

Микросоциология убийств в мексиканском

видео Казней

Cisneros Puebla, César Antonio

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Zur Verfügung gestellt in Kooperation mit / provided in cooperation

with: GESIS - Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften

Эпифоний Цитиринг / Предлагаемая цитата:

Сиснерос Пуэбла, Калифорния (2022). Микросоциология убийств в видеозаписях казней в Мексике. Историко-социальное исследование, 47(1), 289-308. <https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.13>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden

Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Условия использования:

Этот документ доступен по лицензии CC BY

(Авторство). Для получения дополнительной информации смотрите:

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Микросоциология убийств в видеозаписях казней в Мексике.

César Antonio Cisneros Puebla

Абстрактный: *"Mikrosoziologie des Tötens in mexikanischen Video-Hinrichtungen".*

В последнее десятилетие 20 века Мексика пережила одно из самых кровавых времен в своей современной истории. По самым скромным подсчетам, в те годы погибло более 275 тысяч человек, а число жертв войны превысило число жертв войны в Хорватии. В международных средствах массовой информации ходили разговоры о войне между наркокартелями, но война включала в себя гораздо большее, чем это; гражданское население понесло большой ущерб. Точно так же, как местная революция сапатистской национально-освободительной армии (EZLN по аббревиатуре на испанском) немедленно привлекла внимание всего мира через Интернет, участники войны между картелями использовали Интернет для трансляции видеозаписей казней и убийств. Основываясь на образцовом анализе видеозаписей убийств, размещенных в Интернете из Мексики в течение этого десятилетия, этот материал будет сосредоточен на последовательном встраивании действий актеров при исполнении убийства как заключительного эпизода длительного периода пыток. В центре внимания этого вклада - предельно раскрыть методологические и гносеологические размышления, которые возникают на сочувствие и подглядывание при анализе неравенства иерархической ре- об отношениях между жертвами и виновниками в этих видео-дневники. Наши теоретические наблюдения отмечены рамками диалогового и повествовательного анализа в ситуациях насилия, которые заканчиваются смертью жертв. Но также, мы рассмотрим такие вопросы, как то, что социологи должны делать в таких случаях государственного терроризма. Какова роль социологических исследований и социальной ответственности в таких обстоятельствах?

Ключевые слова: Обезглавливания, образы смерти, труп, образы, война, сочувствие.

César Antonio Cisneros Puebla, University of Tarapacá, Chile; ccisnerosp@academicos.uta.cl. Я представил результаты этой статьи на 2-м социологическом форуме ISA, состоявшемся в Буэнос-Айресе, Аргентина, в августе 2012 года. Позже, в 2015 году, я представил идеи, сформулированные здесь, на подготовленных лекциях в Университете Аугсбурга, в Вюрцбургском университете имени Юлиуса-Максимилиана, Фюльдском университете прикладных наук и Байройтском университете в Германии, а также в 2016 году в Эгейском университете в Греции. После этих презентаций я получил разнообразные отзывы и благодарен за все комментарии и впечатления.

1. Введение

Новые формы господства задуманы как спектакли, направленные на уничтожение любой стратегии эффективного восстания, и они очень тонкие, почти неуловимые. Похоже, что только человек, расположенный в высших сферах политики контроля над содержанием и структура социального господства, а также всех граждан, из плоти и крови, то и получите только изменения страсти каждый день в своего рода терроризм государства, или "государственный терроризм", то получается, граждане сами слепы. Для таких ситуаций, согласно Джексону (2008), совершенно необходимо признать "государственный терроризм" не просто социальным дискурсом, но грубой реальностью, которая присутствует в нашей повседневной жизни. Государственный терроризм наиболее уместно использовать для описания нашей текущей реальности, хотя он в значительной степени отсутствует как предмет в литературе по общественным наукам. Нам нужно преодолеть нашу слепоту. В 90-е годы появление нового консерватизма и подъем правых сил уже привлекали внимание многих ученых по всему миру (Finkelkraut 1987; Offe 1988). Нам всем так понравилась идея возрождения (Cohn-Bendit 1998). Но сегодня наши ожидания относительно будущего сводятся к тому, что нам показывают катастрофу утопий и демократий. Если мы позиционируем себя на рубеже начала второго десятилетия 21 века, когда мы все еще живем во времена пандемии COVID-19, цивилизационной перестройки и мирских изменений в наших процессах повседневного взаимодействия, работы, любви, солидарности и т.д., Необходимо спросить: что будет дальше? В перспективе преобразующей исследовательской практики можно было бы поставить такой вопрос: будут ли левые активисты молодого поколения стремиться к более радикальной разработке стратегий освобождения? Или правые активисты продолжают углублять практику реакционного популизма, которую они продвигали по всему миру? Режимы, подобные режимам Си Цзиньпина в Китае, Эрдогана в Турции, Мохаммеда бен Салмана в Саудовской Аравии, Путина в России, Яноша Адера в Венгрии, Анджея Дуды в Польше, Дональда Трампа в США, Моди в Индии и Лопеса Обрадора в Мексике, и это лишь некоторые из них, показывают, как каноны государственного терроризма совершенствовались на основе прошлого опыта (Фрейзер, 2017; Брабазон, Редхед и Чиваура, 2018; Гейзельбергер, 2017; Джексон, 2004)..... (Fraser, 2017; Brabazon, Redhead and Chivaura, 2018; Geiselberger, 2017; Jackson, 2004, 2008).

Позвольте мне сказать, что мое исследование изменилось за последнее десятилетие из-за того, что то, что я называю гражданской войной в Мексике (а не войной наркокартелей, как это привыкли называть мировые СМИ), стало объектом исследования. Эта гражданская война кардинально изменила повестку дня для всех мексиканских социологов с критическим мышлением. Некоторые из нас активно изучали новые формы социальных протестов, и не только в Мексике (Сиснерос Пуэбла и др., 2016; Сантос, 2015). Другие участвуют в различных социальных и экономических стратегиях сопротивления (Сиснерос Пуэбла, 2018; Петропулу, 2014; Петропулу, Витопулу и Цавдароглу, 2016). Некоторые другие осуждают государственный терроризм или "государство"

терроризм" (Джексон, 2004). Крайне важно поддерживать критику, чтобы сотрудничать в деконструкции политики страха, направленной на социальный контроль граждан, и сотрудничать в разрушении дискурсивной гегемонии правительственных курсов о войне, мире, правах человека, расе и социальной справедливости, среди других тем, представляющих общественный интерес. Другой общей чертой 21 века является то, что все они являются сообщниками или пособниками новых способов накопления путем лишения собственности (Harvey 2003), которые создают новую бедность и невзгоды по всему миру. Согласно Харви (2004), в дополнение к классическому первоначальному накоплению капитала, проанализированному Марксом, чтобы задуматься о наших нынешних временах, "мы должны взглянуть на спекулятивный рейдерский захват, осуществляемый хеджевыми фондами и другими крупными институтами финансового капитала, как на передний край накопления путем лишения собственности в последнее время" (там же, 75).

Зачем писать о государственном терроризме в этой статье, если цель состоит в том, чтобы представить анализ экстремальных насильственных действий, таких как превращение живых людей в трупы? Не будет преждевременным утверждать, что наше нынешнее время отличается от всего, что было раньше, с точки зрения применения насилия, идеально направленного против определенных групп. Семелен (2002) указал, что чрезвычайное экстремальное насилие, как качественное явление, связано с жестокостью и, как количественное явление, направлено на уничтожение гражданского населения. Кроме того, были доведены до совершенства методы внушения страха населению. Мы могли бы утверждать, что эта старая проблема гегелевской диалектики между господином и рабом была модернизирована и усугублена видимостью обездоленных, нелегальных иммигрантов и новых форм бедности (Brighenti 2007). Взгляд на наше текущее время с точки зрения терроризма позволит нам вместе с фон Бэрмом и др. (2013) критически поразмыслить над ролью имиджа в генезисе новых форм социального контроля и о том, каким образом интернет стал сферой деятельности террористов.

На следующих страницах я представлю краткий микроситуативный анализ видеозаписей обезглавливания в Мексике, но сначала я поразмыслю над понятием масштабных представлений в целом, чтобы сформировать эпистемологическую структуру. Затем я применю это понятие к арене насилия, материализованной и визуализируемой в результате производства таких видеороликов..... Но для оценки влияния этой практики на образы граждан, которые ценят мир, гармонию и благополучие, будет необходим общий обзор производства внесудебных видеозаписей казней в других частях мира, особенно на Ближнем Востоке.

В некотором роде, проведенный здесь визуальный анализ привел нас также к размышлениям об этике в социологии ужаса. Наш микроситуационный анализ также может быть полезен социологам конфликтов, военным социологам, социологам насилия и / или социологам войны, поскольку систематическое изучение насилия, проявляемого между участниками видеосъемки, демонстрирует некоторые характеристики, представляющие большой интерес с точки зрения символического интеракционизма. Микросоциология насилия в смысле, предложенном Коллинзом (2009, 2012), и видеоанализ, как

2. Масштабные режимы и "репрезентация"

Роль образа в социальной истории включает в себя несколько важных фактов, которые глубоко связаны с определением реального. Есть интересный момент в отношении того положения, которое изображения занимали в разное время в истории, по крайней мере, на Западе. Это относится к существованию определенной иерархии органов чувств, в которой зрение начало приобретать все большее значение с момента изобретения печатного станка.

С изобретением фотографии стало возможным кино и вся повседневная магия создания повествований в различных форматах и жанрах, которые сегодня формируют визуальное воображение современных обществ, от Леба-нона до США и от Берлина до Бомбея. Действительно, с выходом на рынок и массовым производством устройств для цифровой видеозаписи понятие "репрезентации" стало более реалистичным. Однако, с критической точки зрения, можно утверждать, что все репрезентации в целом, а также сами изображения, обязательно подчиняются процессам условности. Если мы согласимся с этим аргументом, у нас будут условия признать, что каждая эпоха и культура формируют то, что Джон Бергер назвал "способами видения". По данным Бер-гер (1972), на пути увидев состоят из ряда гипотез, Ассо-связанного с Visual объект, он "видел", независимо от типа. Таким образом, способы видения представляют собой виды предрасположенностей и реакция на визуальные объ-ектов, настроенные интерпретационных репертуаров доступен и в некоторых его исторических и культурных контекстах.

Некоторые термины, которые относятся к подобным процессам, такие как "периодический глаз" (Баксандалл 1988) или "режим обзора" (Джей 1988). Через них указывается на один и тот же феномен, относящийся к социокультурной конфигурации изображения. Определения сторону, процессы видимость возможные арчику- lated и наладить чувства, которые организуют взглядом и размежевать его. Разглядывание, мечтание, воображение, даже галлюцинации формируются как действия, которые имеют смысл, основанные на визуальных режимах. И изучение таких процессов требует разработки стратегий.

С точки зрения феноменологического и конструктивистского подхода, восприятие как конститутивная часть когнитивной деятельности взгляда не является отражением объективной реальности, а скорее оперирует посредством интерсубъективно сконструированных типизаций. Следовательно, переживание и восприятие визуального обуславливается этой интерсубъективной сущностью..... Эта идея лежит в основе размышлений этнометодологов, таких как Мелвин Поллнер (1974), когда он утверждает, что то, что мы видим, не обязательно является световым стимулом, отражающим свойство физических объектов на нашей сетчатке, но что мы видим и наблюдаем главным образом

через социально и культурно сконструированные когнитивные категории. Это объясняет, почему, когда людей спрашивают о том, что они видят, они обычно отвечают, ссылаясь на концепции и слова, усвоенные в процессе социализации (площади, улицы, здания, растительность, люди, действия), а не на световое качество "стимула". Глаз действует не как зеркало, которое по мере захвата отражает, поскольку то, что он фиксирует, он видит уже не как данные без признаков, а как вещи, как пищу, как людей, как врагов, как звезды, как оружие. Ничто не видно обнаженным (Goodman 1968, 8). Смотреть - значит называть и классифицировать. Это не просто проблема созерцания: я смотрю, потому что у меня есть слова, чтобы назвать то, на что я смотрю или слышу, и по этой причине установлены рамки действия: я действую в соответствии с теми названиями, с помощью которых я классифицирую то, что воспринимается взглядом (Штраус, 2017).

Однако крайне важно указать, что те исследования, из которых взяты такие концепции, как *способы видения* или *масштабный режим* были получены, были ген- исходное состояние в течение искусствоведения и истории (Пановский 1972; Hadjiniolaou 1978), и, следовательно, ее гносеологические домены были о том, как в различных, так *ciocultural* переходы, искусство повлияло на способы видеть в Западной социо- Еты.

По этой причине необходимо восстановить этот интерес и акцент на чувствительном измерении, в данном случае визуальном опыте, по отношению к другим областям реальности, которые влияют на нашу современную повседневную жизнь. Этот подход уже готов, например, с работ Джона Бергера, когда он подчеркнул феномен рекламы, согласно которому она, по-видимому, заменила роль искусства в формировании способов видения. Также важно вновь обратиться и подчеркнуть важность реалистичного представления о репрезентации, основанного на фотографическом, кинематографическом и видеоизображении, особенно из-за последствий, которые оно оказывает на то, что можно назвать визуальным режимом современного мира, отойти от таких представлений, как у Сартори (1997), которые скорее обедняют, чем обогащают возможности анализа визуального.

Этот современный визуальный режим погружен в процесс, который мы могли бы, в свою очередь, назвать "*видеокультура*," чтобы указать способы, с помощью которых производство визуального "демократизировано" с помощью цифровых инструментов и Интернета. Размышляя о "*видеокультуре*," процесс производства-распространения-потребления становится важным. Следует отметить, что технический прогресс и динамика рынка повлекли за собой чрезвычайные изменения в этом процессе, поскольку это постепенно обеспечивало более широкий доступ к различным социальным секторам с точки зрения производства и распространения информации..... Несмотря на это, можно отметить, что существует фаза постепенной трансформации практик, связанных с производством того, на что "стоит посмотреть", в которой люди больше не играют роль только зрителей, но и принимают более активное участие в деятельности по производству и распространению. Например, расширение доступа к персональным видеокамерам в среднем и популярном секторах представляло собой часть этой трансформации на протяжении нескольких лет

годы. Съемки семейных вечеринок - пример того, как общество использует инструмент в своих известных, запоминающихся или исключительных практиках, который позволяет по-новому участвовать в этом процессе восприятия реальности. Это позволяет повторно поразмышлять о том, что можно снимать, как и для чего, используя свои собственные ресурсы. Секо (2013), например, анализируется практика фотографирования себя-проданный телесные повреждения и делает их доступными для членов заинтересованности группы в интернете, через Фликр. Анализируя фотографию, сделанную во время Второй мировой войны, которая представляет собой насильственный акт изнасилования, его последствия или простую мимику, выполняемую немецкими солдатами, Майлендер (2017) серьезно проблематизирует представление о социальном взаимодействии, воплощенное в фотогра- графике. Она ставит два фундаментальных эпистемологических вопроса, которые также определяют наше изучение видеозаписей: "Что сообщает фотография зрителю? Что остается безмолвным и невидимым?" (2017, 490).

Как мы увидим позже, позиция зрителя, наблюдательницы, вуайериста, бехолдера, наблюдателя, очевидца или аналитика занимает центральное место в качественном исследовании неподвижных или движущихся изображений. В производство актов насилия как социальных процессов вмешиваются не только жертва и преступник, но и человек, который наблюдает за этим производством. В некотором роде можно утверждать, следуя Элверту (2003), что существуют рынки насилия, и изображения и видео пропитаны ними.

3. Треугольник жертвы, преступника и наблюдателя в Мексиканском режиме масштабирования насилия

Возможность распространения неофициальных или профессиональных видеороликов в Интернете представляет собой еще один шаг в преобразовании этих отношений с аудиовизуальными средствами, поскольку возможность самостоятельного производства теперь сочетается с возможностью распространения по всему миру, выходя за рамки самостоятельного потребления. Таким образом, это допускает еще ряд возможностей относительно назначения продуктов, которые обязательно связаны с содержанием. Тот факт, что практики, связанные с этим, изначально оставались в рамках самопроизводства и самопотребления отдельных лиц и групп, не умаляет их вклада в феномен создания имиджа и "*видео культура*" в Мексике или по всему миру.

В связи с началом так называемой "войны наркокартелей" в Мексике были широко распространены изображения, связанные с их мощным оружием и практикой накопления богатства. Изображения убийств или мертвецов также могут быть частью визуального режима, когда их производство становится массовым до такой степени, что становится частью повседневной жизни людей в обществе. При распространении ужасающих изображений или видеозаписей ужасных увечий или обезглавливания заключенных или

заложниками стали ежедневные новости, то мы должны беспокоиться и исследования, что социальные, организационной, или институциональные процессы, чтобы это стало возможным.

Чрезвычайно интересно, что практика насилия в контексте такой "войны наркокартелей" распространилась на более динамичные каналы, такие как Интернет, посредством производства и распространения видео, среди прочего, которые в виде конкретных сообщений и документальных фильмов демонстрируют явное насилие (задокументированные казни). Таким образом, конфликт помещается в измерение кибернетических средств массовой информации; война и насилие происходят не только на материальной сцене событий, но также имеют присутствие и влияние со стороны каналов, по которым они распространяются, усиливая распространение страха и террора. Фриис (2015, 2018), например, тщательно проанализировал производство, распространение и международные последствия видеозаписей обезглавливания Джеймса Фоули, Стивена Сот-Лоффа, Дэвида Хейнса, Алана Хеннинга и Моаза аль-Касасбеа, сделанных ИГИЛ и опубликованных в 2014 году.

В 2010 и 2011 годах, будучи штатным профессором университета Истапалапа, Мексика, я проводил двухчасовые семинары с аспирантами с целью отбора и качественного анализа, используя различные программные программы, видеозаписей, которые начали публично демонстрироваться в сети. Специалисты в области аудиовизуального производства и редактирования видео пришел к участвуете в несколько сеансов в наш конференц-зал, который предоставил нам инструменты, чтобы улучшить качество воспроизведения видео, а также прокомментировал технической условия, в которых те видео, которые, возможно, были записаны. В течение этого времени мы обсуждали визуальный анализ, видеосъемку, практику и методы интерпретирующего визуального анализа (Шнеттлер и Рааб, 2008), использование методов визуального повторного поиска (Кноблаух и др., 2008) и визуальную этнографию (Пинк, 2008). За эти годы стало полностью очевидно, что то, что я могу представить здесь сегодня, основано на моем понимании методологий, разработанных Кноблаухом и Шнеттлером (2012) и Кноблаухом и Тумой (2019). Мы собрали и просмотрели десятки видеороликов. Мы создали на их основе базы данных и решили сконцентрировать наш анализ на некоторых из них. Чтобы оценить его инструменты, возможности и дружелюбный интерфейс, мы использовали такие программы, как Atlas.ti, NVivo, F4 video и MAXqda, поскольку мы расшифровали аудио и закодировали сегменты видео. Упражнения по сравнению были очень полезны, но наши интеллектуальные проблемы не были сосредоточены на программном обеспечении. Вместо этого нас больше всего интересовало взаимодействие между жертвами и преступниками, хотя постепенно мы поняли, что как наблюдателям нам также необходимо анализировать наши отношения с такими телами и изображениями. В настоящее время тщательный и точный анализ наблюдателя и наблюдаемости, разработанный Коломой Беком (2011), направляет наши размышления, как мы покажем ниже. Например, проблема того, как делаются выводы для интерпретации действий движущихся актеров в видеоклипе, была решена в вдохновляющем материале Сакса (1989) о машине для создания выводов.

В первом десятилетии нового тысячелетия мексиканские наркоторговцы начали расширять свое присутствие в киберпространстве с помощью веб-сайтов, блогов и YouTube

публикации видео. Самым ярким и значимым веб-сайтом, посвященным распространению новостей о незаконном обороте наркотиков, был blogdelnarco.com, который был создан в 2010 году.

Загруженный с такого веб-сайта, позвольте мне представить краткое описание двух видеороликов, на которых я основывал анализ для этого вклада. В первом из них мы видим мужчину с непокрытым торсом, без рубашки и с завязанными глазами, сидящего на стуле в окружении четырех человек с мощным оружием и закрытыми лицами. Один из мужчин допрашивает его вопросами типа "как вас зовут?" "На кого вы работаете?" и приказами типа "повторите это!" Видео длится 4 минуты 22 секунды. Это сцена обезглавливания, в которой вербальные перепалки между жертвой и допрашивающим структурированы как краткий вопрос-ответ-вопрос-ответ. Один из четырех вооруженных лиц обезглавливает жертву ножом в течение 2 минут 20 секунд и показывает на камеру голову, уже отделенную от тела. Казнь была зафиксирована в комнате, которая выглядит как комната для допросов в полиции, где освещение исходит от потолочной лампы, эффект которой напоминает треугольник, освещающий тело допрашиваемого.

Второе видео длится 5 минут 36 секунд. Мы видим двух взрослых мужчин, лежащих на земляном полу, прислонившись к глинобитной стене. В отличие от первого видео, это было снято среди бела дня, на открытом сельском пространстве. Это - джины с 43 секунды словесный обмен между следователем и юной жертве кто вторая жертва племянник. Затем на вопрос "ваше имя?", заданный следователем второй жертве, последняя отвечает в течение 3 минут 40 секунд, подробно описывая свою деятельность, называет имена людей, связанных с ними, дает советы заинтересованным лицам, поскольку предполагает свое положение жертвы на грани смерти и подчеркивает, что конец его жизни близок. На месте происшествия появляется преступник в военной форме и бензопилой отрезает голову говорившему человеку. Затем появляется другой преступник в джинсовой одежде, вооруженный ножом, и в течение 1 минуты 50 секунд обезглавливает племянника, который всегда был неподвижен и смотрел только в камеру: неподвижную камеру.

Кэмпбелл (2014) предложил преступных организаций должны быть обработаны *Analytically* в качестве политических субъектов, чьи действия, такие как видео и кибер-пост-Ингс, жанры музыки и текстов, публичных сообщений, очки символических ВИО-Ленчик, а также контроль и цензура над средствами массовой информации, представляют собой мощный новая форма политического дискурса. Эти изображения и видеозаписи убийств или фемидов анонимных или названных по имени лиц являются одновременно ужасающими. По всему миру мы находим визуальные свидетельства массовых убийств, цидов и так далее. Мексиканские видеоролики и изображения смерти в СМИ ИГИЛ, а также обезглавливание Стивена Сотлоффа (Winkler et al., 2019) и обезглавливание Дэниела Перла (Furnish, 2005), среди прочих, являются неопровержимым признаком того, что мы должны обратить внимание на новое использование изображений в строительстве обществ, живущих в терроре. Тиннес (2021) разработал огромную библиографию, содержащую видеозаписи внесудебных казней заложников

это происходило по всему миру, что очень полезно при расследовании

этих убийственных и бесчеловечных практик.

Основываясь на анализе насилия, который мы провели, сосредоточив внимание на таких видео, я представляю следующие аннотации, которые на аналитическом позиционном уровне позволяют нам обсудить их с исследователями, заинтересованными в этом феномене. нет. С точки зрения методологии, я должен подтвердить, что мы просматривали видеозаписи во время наших семинаров десятки раз, неоднократно, и, сосредоточившись на них, используя методологии, поддерживаемые вышеупомянутыми программами, мы обнаружили то, что я перечисляю ниже как 11 важных моментов для открытия:

1. Эти видео похожи на *"видеодневники"* групп социальных субъектов: Социальные акторы которые были обобщенно названы прессой "организованной преступностью"

или "кар-телями". С самого начала, наблюдатель немедленно определяет

положение участников видео: палачи-плен, палачи-Виктория-

Тимс мучителем-безоружия, в которой "естественные" социальные
2. Вопреки тому, что можно подумать, это не видеозаписи естественных ситуаций взаимодействия происходят. В большинстве просмотренных видеороликов

были отмечены выступления: разработанные взаимодействия уже

были *повторены несколько раз*, делая очевидной безнадежность жертв,

которые будут мертвы через несколько минут, вооруженные и беспомощные.
3. Это видеозаписи, на которых люди, подлежащие казни, изображены *"беззащитными," un-*
"беззащитность" можно определить, следуя Блэру (2004), как состояние

человека, при котором жертвой является тот, у кого нет оружия и поэтому

он не может оскорблять, убивать, причинять боль. Согласно Караверо

(2009), пребывание под господством другого, то есть по существу

беззащитность, является условием пассивности, при котором люди

подвергаются насилию, жертвы которого не могут бежать или отреагировать.

4. В этих видео жертвы уже подвергались насилию, находясь в их положении задержанных, похищенных, напуганных, охваченных ужасом

людей. . Каковы могли быть их чувства с того момента, как у них

отняли свободу? По Семелину (2002, 430), крайнее насилие, "какой бы ни

была степень его чрезмерности, [рассматривается] как прототипическое

выражение отрицания любого вида человечности, поскольку его жертвы

5. Это, хотя с этим трудно согласиться, видео с "некоторыми предварительными приготовлениями-
часто имитируются или рассматриваются как вещи перед

уничтожением". норма" со стороны палачей. Этап был настроен или ранее

определен, участники были организованы, освещение и звук были подобраны

6. Слова записаны в сценарии, визуальный документ (запись) акции

уже запланирован, мы могли бы сказать, что "мужчины отрепетированы".

Это должно быть видео для потомков: идеальное видео, потому что

казнь не может быть повторена, она уже была *отрепетирована*.

7. Из того, что известно, весьма вероятно, что они бывшие солдаты, с

обучение "*искусству убивать*". Карлин (2012, 504), например, написал,

"возьмем, к примеру, группу под названием Los Zetas, относительно нового игрока в мексиканской наркоторговле, состоящую из бывших бойцов спецназа из федеральной армии, которые вывели корпоратизацию и

выпаризацию корпоративных отношений К/В/А/Р/К/у/о/р/а/д/и/о, допросу (центральное место в-

1963) для применения основных методов принуждения, таких как арест, задержание, лишение сенсорных стимулов, угроз и страха, слабости,

боли, повышенной агрессивности и бипноза, а также наркотиков.

9. С точки зрения беспомощных, безоружных жертв, взаимодействие-регулирование - это применение *говорить то, что было указано*, смотреть в

камеру, если у них не завязаны глаза.

10. То, что мы видим в опубликованном видео, является кульминационным актом *долгих сезонов пытки* в которой жертвы неоднократно слышали шум оружия, надстройки,

угрожающий голос палачей и смертный приговор. Я спрашиваю

11. Пространства взаимодействия идеально различаются, так же как правдивы обороты разговора: вас, и выигрываете, но, что и указал: в отсутствие новостей в войне

или даже о военных преступлениях в Мексике все остается совершенно

безнаказанным. Это похоже на утверждение Карлин (2012, 511):

Все это - наркокартель публичные казни, обезглавливание и сожжение, на правительстве тщательно срежиссированный спектакль калечащих операций - служит для того, чтобы создать ауру вокруг формы власти, которые принадлежат текущее положение вещей и поддержания статус-кво. Насилие такого рода - это сила, укрепляющая в сближении конкретных объектов и образов, которые не внушают ужас, но внушают наблюдателю чувство благоговения. только Здесь разумно сравнить мексиканский случай с делом Кэмпбелла (2004, 70), который, анализируя слепоту СМИ по отношению к военным преступлениям, совершенным в Израиле, Палестине, Сьерра-Леоне, Южной Африке и Судане, предположил, что

Применительно к изображениям контекст включает в себя три измерения: экономику безразличия к другим (особенно к тем, кто культурно, расово и пространственно чужд), экономику "вкуса и приличия", посредством которой средства массовой информации сами регулируют репрезентацию смерти и жестокости, и экономику показа, при которой значение изображений определяется интертекстуальными отношениями подписей, заголовков, сопутствующих аргументов и мест для показа.-tation.

В случае с мексиканскими видеороликами экономика безразличия к другим работает идеально, потому что жертвы считаются виновными в том, что они совершили и получают по заслугам: жертвы - это другие. Я не вел себя плохо. Я отличаюсь от него / нее. Экономия вкуса и порядочности проявляется потому, что чудовищность поступка самооправдывается чистотой, которую совершает палач, устраняя нежелательных из общества: является ли предполагаемое обвинение или петиция, на которых основана казнь, правдой или ложью. Экономика выставки делает политкорректным указание на

неоднократно казните жертв, которые умирают один раз, когда им отрубают голову, и умирают повторно, мучительно, пока проигрывается видео. Многократные повторные демонстрации неправомерной внесудебной казни.

Бесспорно, образы способствуют созданию ловленной режимов/способы видеть-Инг/период глаз, которые формируются наше мировоззрение и визуальные реалии Евы-все, что существует, все, что разумно, все то, что чувствовал каждый- главное, что мыслимо. Наша человеческая история полна печальных, кровавых, болезненных, а иногда и ужасающих образов. Такие изображения, как мертвый сирийский беженец, мальчик Алан Курди, лежащий лицом вниз на турецком пляже в 2015 году, и видео, своевременно и случайно записанные гражданами о насилии со стороны полиции, в результате которого медленно убивали Джорджа Флойда в 2020 году, порождают новую коллективную чувствительность. Исходя из этого, Mäenpää (2021), фотоагентство Finish и новостной журнал Finish, исследуя практику выбора новостных изображений, которые показывают смерть в глобальном фотоагентстве под названием Reuters Pictures, заявляет, что

Если смерть делается невидимой или эстетизируется в образах СМИ, СМИ не в состоянии показать мир таким, какой он есть. Это может сформировать общественное понимание насильственной смерти таким образом, что люди не чувствуют острой необходимости в действиях, для Но именно в этом контексте мобилизации коллективных чувств изображения превращаются в инструменты политики, разработанные государственными, социальными или криминальными организациями. Хотя происходит и обратное, потому что эстетизируя, приукрашивая или окончательно скрывая ужас и жестокость того, что существует или происходит, создается политика неопределенности. Сонтаг (2005, 85), основываясь на своей яростной и резкой критике невинности камеры и типичном современном откровении, которое она назвала "негативным эпифизом любого" при просмотре ужасающих фотографий, написала

Защищенные представители среднего класса в более богатых уголках мира - тех регионах, где делается и потребляется больше всего фотографий, - узнают об ужасах мира в основном через фотоаппарат: фотографии могут причинять страдания и причиняют их. Но тенденция эстетизации фотографии такова, что средство, передающее страдание, в конечном итоге нейтрализует его. Камеры миниатюризируют опыт, превращают историю в зрелище. Столько, сколько они создают сочувствие, фотографии вырезают сочувствие, расстояние эмоции.

В своем "наброске социальной теории насилия" Коломья Бек (2011) предлагает вновь сопоставить преступника и жертву с исполнителем и целью, чтобы разработать конструктивистский теоретический подход, который включает третий элемент: наблюдателя. Она справедливо утверждает и демонстрирует, что такое включение

[...] позволяет нам преодолеть разрыв между исследованиями динамики насильственных

взаимодействий на микро- и мезоуровнях, с одной стороны, и теориями власти, с другой стороны, господство и формирование социального порядка с другой стороны. (2011, 347)

Включая наблюдателя в качестве третьего момента насилия как социального процесса,

можно критически обсудить роль ученого как наблюдателя, публики, аналитика, гражданина или стороннего наблюдателя и так далее, поскольку таким образом достигается насилие "[...]

развивается в треугольнике, где это не только осуществляется и выстрадано, но также наблюдаемо, обслуживается и оценивается" (там же, 350).

Независимо от сценария, по которому осуществляется создание любого изображения утонченного, слабого, сильного или экстремального насилия, невозможно представить или рассчитать все возможные реакции, которые оно могло бы вызвать своим проявлением или наблюдением : возможно, восхищение, отвращение, брезгливость, изумление, печаль, унижение, сочувствие, благоговейный трепет, удивление, разочарование, озабоченность, сопереживание, и многие другие, среди них. В нашем стремлении построить ситуационную микро-анализ мексиканской видео казней, эпистемологический вопрос возник по поводу условий, необходимых для получения сочувствия от Ана- лисце к виновнику или потерпевшему; методологический вопрос о роли наблюдателя-аналитика-ученый, как вуайерист также не возникло. Джейкобс (2004) проанализировал вуайеризм, который появляется, когда некоторые чувствительные изображения выносятся на общественное обсуждение или распространяются академическим языком. Однако, с гуманитарной точки зрения, которая крайне критична к академическому вуайеризму по вопросам насилия и зверств войны, Хоуг (2022, 2) признал , что:

[...] трудно избежать каких-либо пятен сенсационности или учебного инструктор-mentalization страдания, если вы участвуете в области, которая получает интерна-тельное внимание своим потрясающим насилием.

В настоящее время рынок масштабных режимов мирового насилия обновился как технологически, так и в цифровом виде до такой степени, что некоторые экономические войны становятся войнами образов. И из-за массового распространения этих изображений, такие чувства, как сопереживание участникам, будь то жертвы или преступники , становятся эпистемологическим вопросом. Точно так же, как вуайеристская приманка как обсуждаемый визуальный акт становится темой методологической дискуссии.

4. Размышления об эмпатии и микросоциологии Убийства

С 12 века до наших дней христианское искусство накопило более чем 100 живописных изображений библейского эпизода обезглавливания Юдифью Олоферна. Не будет преувеличением утверждать, что все различные тематические направления искусства разделяли потребность показать голову Олоферна, отделенную от его тела, или различные моменты процесса обезглавливания. Вот о чем повествует второканоническая Книга Юдифи. Кроме того, хотя мы можем также вспомнить другую библейскую историю, например, о Ироде Ан- типасе, сыне Ирода Великого, который приказал обезглавить Иоанна Крестителя из-за своей невестки Саломеи, в которую он влюбился. Это история мужчины-ложен Кант (1760 [2011], 194), когда размышляет, что "[...] чисто похотливые

драйв или любовная ярость могут быть даже присущи исключительно объекту любви, отсюда и изнасилование". Тициано Вечелли, Джорджоне, Оба библейских эпизода были изображены такими художниками, как Караваджо, Кристофано Аллори, Андреа Мантенья и Сандро Боттичелли, среди прочих. Размышляя о возвышенном, прекрасном, Артис-крестике, исторические, метафорический, и других особенностей, что любой из этих знаменитых и ценных картин может быть, можно спросить: от какого мужчины возникнет необходимость действия, показывающие голова отделена от его тела, как заключительный акт обезглавливание? Это жестокий поступок? Это акт власти? Это акт доминирования? Или эстетическая потребность? Какой импульс движет исполнителем убийства?

Интересно, вместе с Коном (2017), какие художественные высказывания содержатся в фотографиях, опубликованных израильскими солдатами на официальном веб-сайте Армии обороны Израиля или в Instagram или Facebook? Есть ли у людей, которые проводят хирургические обезглавливания перед видеокамерами, художественные устремления? Или они есть у тех, кто стоит за камерами? Скандальный фильм *Мученики* (Laugier 2008), написанный и срежиссированный Паскалем Ложье, представляет собой, возможно, крайний случай в этом направлении размышлений об образе и ужасах, в который также включены возмутительные фотографии унижения заключенных в тюрьме Абу-Грейб (Фаттах и Фирке, 2009). Тревога-страх-испуг-паника-ужас-террор: являются ли это фазами или моментами эскалации насилия и доминирования над другим человеком как над безоружным телом? Это те эмоции, которые ассоциируются с пространствами или местами содержания под стражей по пути на скотобойню?

Когда ведущий семинаров в 2010 и 2011 годах, в момент остановки они, чтобы сконцентрировать внимательно на изображении, Зонтаг (2004) пригласил нас к ВОП-ской себе, о том, какие знания мы получаем, глядя на фото-графов чужих страданий. И с этим вопросом мы фокусируемся на объекте визуальной социологии, которая не анализирует уродливое, ужасающее, устрашающее, то, что пугает, потому что это оскорбляет хорошие обычаи и достойную жизнь. И мы также размышляем о социологии насилия, которая интересуется определенным типом насилия, но не всем, как если бы насилие было невидимым, потому что оно реально, потому что оно ужасающее, жутковатое, отталкивающее, чудовищное и кровавое, неприглядное, отвратительное, бесчеловечное. Сегодня идет дискуссия о наглядности (Brighenti 2007) и порнографии насилия (Kilby 2013b), которые направляют наши расследования к тому, чтобы спросить нас, были ли при просмотре видеозаписей казней

[...] преступники будут вызывать восхищение, гнев, сочувствие или похотливый интерес в зависимости от того, кто является их жертвой, какое насилие они применяют, действуют ли они в одиночку или группами; и как часто они действуют. (Килби 2013а, 263)

Необходимо было обсудить с участниками семинара вопрос о личном сопереживании по отношению к любой из двух противоположных крайностей видео: исполнители казни-заключенные; палачи-жертвы; виктимизатор-безоружный. От каких этических рамок зависит личное сочувствие к тому или иному? Is

жестокость, варварство, дегуманизация, "натурализация" нанесения увечий телам, которые могут вызвать сочувствие у аналитиков? Были времена, когда мы думали, что нужно быть черствым сердцем, чтобы снова посмотреть эти видео.

С другой стороны, основываясь на анализе мексиканских видеозаписей казней, можно утверждать, что понятие конфронтационного напряжения / страха (ct/f), предложенное Коллинзом (2009), неприменимо к созданному социальному пространству бойни, в которой будет происходить процесс обезглавливания. Это неприменимо, поскольку социальная ситуация была определена одним из участников и социальной или преступной организацией, к которой они принадлежат: насилие, которое завершится обезглавливанием, было подготовлено задолго до этого, и нет никаких чувств, которые изменили бы какую-либо цепочку взаимодействия. Какие эмоции, если таковые были, выражали преступники? По крайней мере, за всем, что тщательно наблюдалось в ходе нашего видеоанализа, ничего обнаружено не было.

Среди множества вопросов, возникающих при анализе видеозаписей казней, я думаю, центральными были следующие: 1) Как мы должны анализировать социальные взаимодействия, когда один или несколько участников находятся в полной диспропорции равновесия?; 2) Является ли искомое сочувствие тем, которое генерируется по отношению к казненному, так что возникает ненависть и / или неприятие палача?; 3) От каких этических рамок зависит личное сочувствие к тому или иному?; и 4) Какова роль социологических исследований в связи с такими ужасающими событиями? Руководствуясь предыдущим анализом, давайте кратко рассмотрим каждый из этих вопросов.

1) Как мы должны анализировать социальные взаимодействия, когда один или несколько участников находятся в полной диспропорции баланса? Из-за сознательного theatricalityof палачей действий, очень высокого хирургического и/или военной подготовки- сепарацией, чтобы сделать очень точные распилы было видно. Несомненно, в видеороликах вы можете увидеть безжалостных убийц. Вдохновленные Коллинзом (2012), детали движений тела, формулировки, расчеты и решительность исполнителей стали для нас микросоциологическими доказательствами. Наша постоянная проблема заключалась в том, как мы могли бы улучшить интерпретацию деталей визуальных свидетельств. И постоянными вопросами, сейчас и всегда, в любом случае, могли бы быть: что является визуальным свидетельством процессов обезглавливания? Показать голову, как в образах, которые христианская живопись унаследовала от современности?

Как и в исследованиях Кэмпбелла (2014) и Кона (2017), можно утверждать, что дизайн изображений и видеороликов является стратегией политической пропаганды с конкретными целями социального влияния. Наш ответ на вопрос, "каковы намерения при распространении их через Интернет?", заключается в том, что рынок насилия определенно вырос значительно, поскольку изображения и видео используются в качестве центрального материала для политических пропагандистских стратегий (Elwert 2003). Использование перформативного аналитического фреймворка, Фуджи (2013) проанализировала три сверхсмертельных эпизода войны, чтобы продемонстрировать ценность формирующего и драматургического подхода к теоретизации социальных процессов насилия, в своей типологии различающих карнавал, зрелище и шоу одного актера.

Исполнитель = преступник, жертва = цель - это пара в треугольнике, предложенном Коломой Бек (2011), и в третьей части наблюдатель наблюдает за драмой, будь то карнавал, спектакль или шоу одного актера. Существуют различные обстоятельства для наблюдения или анализа ужасающих образов массовых убийств, войны, изнасилований, увечий, обезглавливания и так далее, но наблюдение или анализ не является невинным или наивным действием, как сказала Зонтаг (2005). Проведение микро- ситуационного анализа экстремальных насильственных действий, таких как убийство путем обезглавливания, как в мексиканских видеороликах, было действительно очень сложной задачей, но сейчас существуют отличные и вдохновляющие подходы, подобные упомянутым выше. 2) Является ли искомое сочувствие тем, которое возникает по отношению к казненному, так что возникает ненависть и / или неприятие по отношению к палачу? Закрывая свои лица, палачи не только скрывают свою личность, но и придают своим действиям характерную черту- оригинальности: тот, кого мы видим с непокрытым лицом или только с завязанными глазами, является жертвой. Коллинз (2012, 148) отметил, что "уровень насилия в тюрьмах и во время полицейских рейдов выше, когда либо нападавшие, либо жертвы надевают на голову капюшоны, тем самым скрывая свою человеческую выразительность".

Историческим и популярным образом палача всегда был образ безжалостного и бесчувственного персонажа без лица. Является ли сочувствие к палачу тогда внеисторическим и неподвластным времени? Конечно, это будет зависеть от места преступления или казни и позиции зрителя, от направления, в котором будет проявляться его сочувствие к любому из участников. Но то, что исследование Кэмпбелла (2004) показывает в отношении экономики безразличия, имеет решающее значение для понимания происхождения сочувствия к любому из участников казней: исполнителю или жертве. Хотя здесь я предполагаю, что изучение работы машины для создания выводов Сакса (1989) в визуальном анализе может быть чрезвычайно полезным: возникает ли эмпатия по отношению к одному из участников через вывод, который аналитик делает на основе представленных и интерпретированных визуальных данных? Мой ответ утвердительный, потому что активная роль obs- официанта дает ему абсолютную свободу создавать свои визуальные свидетельства, исходя из его личной сональной, экзистенциальной, моральной, религиозной и социальной позиции, как предложила Колома Бек (2011), основываясь на своем конструктивистском теоретическом подходе.

3) От каких этических рамок зависит личное сочувствие к тому или другому? Независимо от религии или моральных убеждений, тщательное наблюдение за постепенным процессом, в ходе которого любой живой человек становится трупом, сильно влияет на чувствительность зрителя. И наблюдать это не один раз, а много раз пытаться изучить, что там происходит, очень тяжело, изматывающе. Выше я представил 11 важных открытий, основанных на нашем анализе, проведенном в течение двухгодичного периода 2010-2012 годов. Гражданская война в Мексике, названная СМИ войной с наркокартелем, она продолжается до сих пор. Значительно возросло число смертей и случаев насильственных исчезновений людей, а также число внесудебных казней. Очевидно, что казни журналистов мигрантами ИГИЛ несопоставимы с внесудебными казнями в Мексике или Южной Америке, но этический вопрос позиции наблюдателя/зрителя

видео запись остается критически важной. Что на видео казней в Мексике на самом деле сделали жертвы, чтобы оказаться в такой печальной ситуации?

Тревога-страх-испуг-паника-хор-Рор-террор как фазы или моменты эскалации насилия culmi-РИИ голов, выполненных в бойню, или в сельской местности как в двух видео, описано здесь. Как нам следует анализировать такие ритуальные цепочки смертей? Этот вопрос был привлекательной методологической задачей. Зонтаг (2004, 78) писала: "несмотря на всю вуайеристскую привлекательность - и возможное удовлетворение от познания".

Неужели это просто из желания узнать, что мы как ученые участвуем в анализе происходящего и предлагаем радикальные изменения? Имеет ли смысл для нас, качественных исследователей, задаваться вопросом о нашей собственной человеческой чувствительности, которая заставляет нас анализировать небольшие ритуальные цепочки взаимодействия в видеозаписанных эпизодах, в которых кого-то убивают? Каковы могли быть мотивы действий исполнителя такой чудовищной ритуальной цепочки? Следуя Коллинзу (2012), я хотел бы спросить об этическом статусе микросоциологических визуальных свидетельств, которые направляют путь эмпатии, поскольку, с одной стороны, у нас есть этичный, неэтичный или неэтичный статус производства и распространения этих изображений и видео на глобальном рынке насилия. И, с другой стороны, у нас есть этичный, неэтичный или неэтичный закон сопереживания, созданный как результат стратегии политической пропаганды.

4) Какова роль социологических исследований перед лицом таких ужасающих событий? Как качественные социологи, мы не можем быть пассивными перед лицом этой огромной реальности, которая представлена нам в виде новых форм политической пропаганды, которые используют цифровые изображения и видеозаписи крайнего насилия. Наконец, все, чего мы не хотим видеть, каким бы ужасным это ни было, будет продолжать происходить. Мы не должны позволять нашей навязчивой глупости ослеплять нас и не соответствовать требованиям, предъявляемым темной стороной общества. Я думаю, что Отис (2006, xvi) прав, когда пишет,

Публичное применение боли в качестве наказания использовалось из-за ее демонстративного эффекта: оно предназначено для сдерживания оппозиции, контроля над населением и дискредитации власти правительства или правителей. Отдельные люди подвергались наказаниям, чтобы удержать других от запрещенных действий; целые группы были публично казнены болезненными способами, чтобы сохранить контроль над империями. Конечно, эффект от такого публичного зрелища зависел от характера зрительской аудитории. Публика может счесть это просто захватывающим. Некоторые хорошо известные примеры включают сдирание кожи с ацтеков, римские цирки, групповые обезглавливания Чингисханом, и публичные пытки, известные индуистским династиям в ранней Индии. Говорят, что Неро нравилось наблюдать, как людей сбрасывали с городских стен; нацисты фотографировали своих жертв для последующего просмотра; а также рисовали и четвертовали, а также вешали в средневековой Англии.-земли были приняты как публичное зрелище.

Если в истории человечества были такие моменты, неужели мы обречены продолжать быть свидетелями такой жестокости? По крайней мере, мы должны генерировать полезные знания, которые микросоциологически показывают, как структурировано социальное взаимодействие между человеком, объектом и наблюдателем. Я должен подтвердить, что с помощью

коллективное обучение, достигнутое в результате микросоциологического анализа видеозаписей казней, усилило стремление внести свой вклад в накопление этих полезных знаний. Как я пытался показать здесь, такие усилия сталкиваются с эпистемологическими, методологическими и этическими проблемами, чтобы критически избежать академического вуайеризма. Но политической или судебной использует также должны быть критически и активно искоренили ли мы анализ карнавалов, зрелищных, или ви- олент один человек показывает, как Фуджи (2013) отличается очень смертоносной войны Эпи- содес. Тем не менее, все еще возможно, что усилия попадают в ловушки и манипулируются, как показано в подробном исследовании Гудвина (1994) на видеозаписи избиения Родни Кинга и судебных процессов, просто для примера.

Для безопасности все наши усилия, чтобы построить строгую качественной социологии ком- допускается к видео анализ насилия, мы должны продолжать собирать кон- tributions авторов как честного, творческого, человека, и чувствительная к боли, к СУФ- fering, и несправедливость, как те, что упоминаются здесь. Если наше текущее время стало тотальным и масштабным сценарием для масштабного режима глобального насилия, возглавляемого правыми активистами, которые углубили реакционный популизм по всему миру, используя цифровые медиа для создания террора среди населения, становится актуальным микросоциологическое изучение насилия. Я надеюсь, что этот краткий документ о microsocioI- Гию убивает в мексиканской видео казни может быть скромный вклад в такое направление.

Список литературы

Баксандалл, Майкл. 1988. *Живопись и опыт Италии пятнадцатого века*. Berger, Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.

John. 1972. *Способы видения*. Лондон: Британская радиовещательная корпорация Пингвин.

и Блэр, Мария Элиза. 2004. *Muertes violentas: la teatralización del exceso. (Жестокий смерти: драматизация избытка)*. Medellín: Editorial Universidad de Antioquia.

Брабазон, Тара, Стив Редхед и Руњяраро Чиваура. 2018. Исследования Трампа: Двойной отказ и молчаливое большинство в теоретические времена. *Культурологические Обзор* 24 (2): 3-25.

исследования Бригенти, Андреа. 2007. Наглядность. Категория для социальных наук. *Текущая Социология* 55 (3): 323-342.

Кэмпбелл, Дэвид. 2004. Ужасающая слепота: образы смерти в современном мире Медиафайлы. *Журнал культурных исследований* 8(1): 55-74.

Кэмпбелл, Ховард. 2014. Наркопропаганда в мексиканской "Войне с наркотиками": Ан Антропологический взгляд. *Латиноамериканские перспективы* 41 (2): 60-77.

Караверо, Адриана. 2009. *Хорроризм. Определение современного насилия*. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета.

Карлин, Мэтью. 2012. Оружие, золото и телесные надписи. *Третий текст* 26 (5): 503-514.

Центральное разведывательное управление. 1963. *Допрос контрразведки KUBARK*, Вашингтон. Центральное разведывательное управление.

Сиснерос Пуэбла, Сесар, Франсиско Алаторре, Митчелл Аллен, Сильвия Бенар,
Долорес Кастаньеда, Иветт Кастаньеда, Кэти Шармаз и др. 2016. 1,2,3,4,5 ... 43: Справедливости!
Да! Да! Айтзинапа: вызов для нового критического исследования
Качественное исследование. *Качественное исследование* 22 (6): 447-465.

Cisneros Puebla, César. 2018. Качественное исследование и творческая подрывная деятельность:

Вызовы в контексте террора. В книге *Этнографии Южного полушария*

1729. *Опыт в науку Шремаппед*. Роберт Райнхарт, Джеки Кидд и Антонио Гарсия,

Кон-Бендит, Дэниел. 1998. *La revolución y nosotros, que la quisimos tanto*. (Мы
Революция мне так понравилась). Барселона: Редакционная анаграмма.

Коллинз, Рэндалл. 2009. *Насилие. Микросоциологическая теория*. Принстон, Нью-Джерси:
Издательство Принстонского университета.

Коллинз, Рэндалл. 2012. Вход в туннель насилия и выход из него: Микро-
социологическая динамика эмоционального вовлечения в насильственные взаимодействия.
Текущая социология 61 (2): 132-151.

Elwert, Georg. 2003. Вмешательство на рынках насилия. В *Потенциалы расстройств*,
ред. Янкозлер и Кристоф Цюрхер, 219-242. Издательство Манчестерского университета.
Великобритания.

Фаттах, Халед и Карин М. Фирке. 2009 Столкновение эмоций: Политика
Унижение и политического насилия на Ближнем Востоке. *Европейский журнал
Международные Отношения* 15 (1): 67-93.

Finkelkraut, Alain. 1987. *La défaite de la pensée*. Париж: Галлимар.

Фрейзер, Нэнси. 2017. Конец прогрессивного неолиберализма. *Инакомыслие*, 2 января.
[https://www.dissentmagazine.org/online_articles/progressive-neoliberalism-](https://www.dissentmagazine.org/online_articles/progressive-neoliberalism-reactionary-populism-nancy-fraser)
[reactionary-populism-Нэнси-Фрейзер](https://www.dissentmagazine.org/online_articles/progressive-neoliberalism-reactionary-populism-nancy-fraser) (Дата обращения 30 июня 2022 г.).

Фриис, Симона Молин. 2015. "За пределами всего, что мы когда-либо видели": обезглавливание
видео и наглядность насилия в войне против ИГИЛ. *Международные отношения
(Королевский институт международных отношений, 1944-)* 91 (4): 725-746.

Фриис, Симона Молин. 2018. "Обезглавьте, сожгите, распните, сокрушите": Теоретизирование исламского государства
Публичные проявления насилия со стороны государства. *Европейский
журнал международных отношений* 24 (2): 243-267.

Фуджи, Ли Энн. 2013. Загадка сверхсмертного насилия. *Взгляды на политику*
11 (2): 410-426.

Ферниш, Тимоти Р. 2005. Обезглавливание во имя ислама. *Middle East Quarterly*
12 (2): 51-57. <https://www.meforum.org/713/beheading-in-the-name-of-islam>
(Дата обращения: 13 июня 2022 г.).

Geiselberger, Heinrich. 2017. *Великая регрессия*. Кембридж: Polity Press.

Гудман, Нельсон. 1968. *Языки искусства. Подход к теории символов*. Новый

Йорк: The Bobbs-Merrill Co.
Гудвин, Чарльз. 1994. Профессиональное видение. *Американский антрополог* 96 (3): 606-
633.

Хаджиниколау, Никос. 1978. *История искусства и классовая борьба*. Лондон: Pluto Press.

Харви, Дэвид. 2003. *Новый империализм*. Оксфорд, Англия: Оксфордский университет Харви,
Пресса.

Дэвид. 2004. "Новый" империализм: накопление путем лишения собственности. Хоуг,
Социалистический Регистр 40: 63-87.

Анетт Б. 2022. Насильственные повторные презентации. Размышления об этике повторного-
презентация в журнале violence research. *Качественное исследование* 0 (0): 1-17.

- Джексон, Ричард. 2004. Политика угрозы: Написание войны с терроризмом. *Доклад, представленный на 29-й ежегодной конференции Британской ассоциации международных исследований (BISA)*, Уорикский университет, Англия.
- Джексон, Ричард. 2008. Призраки государственного террора: знания, политика и исследования терроризма. *Документ, подготовленный Ассоциация международных исследований (АМИ) Ежегодная Конференция*, Сан-Франциско, Калифорния.
- Джейкобс, Джанет Л. 2004. Женщины, геноцид и память: этика феминисток этнография в исследованиях холокоста. *Гендер и общество* 18 (2): 223-238.
- Джей, Мартин. 1988. Масштабные режимы современности. В книге *Видение и наглядность: Дискуссии в современной культуре*, изд. Хэл Фостер, 3-23. Сизтл: Bay Press
- Kant, Immanuel. 1760 [2011]. *Наблюдения о чувстве прекрасного и возвышенном и другие труды*. Кембриджские тексты по истории философии. Килби, Джейн. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
- 2013а. Введение в специальный выпуск: Теоретизирование насилия. *Европейский Журнал социальной теории* 16 (3): 261-272.
- Килби, Джейн. 2013б. Визуальное исправление: Соблазнительная красота образов насилия. *Европейский журнал социальной теории* 16 (3): 326-341.
- Кноблаух, Хьюберт, Алехандро Баер, Эрик Лорье, Сабина Петшке и Бернт Шнеттлер. 2008. Визуальный анализ. Новые разработки в интерпретационном анализе видео и фотографии. *Форум "Качественный социальный форум" / Forum: Качественные социальные исследования* 9 (3). doi: [10.17169/Forum9.3.1170](https://doi.org/10.17169/Forum9.3.1170). Часто задаваемые вопросы-9.3.1170.
- Кноблаух, Хьюберт и Бернт Шнеттлеры. 2012. Видеосъемка: анализ видео Данные как "целенаправленное" этнографическое и герменевтическое упражнение. *Качественное Исследования* 12 (3): 334-356.
- Кноблаух, Хьюберт и Рене Тума. 2019. Видеосъемка и видеоанализ. Статьи фонда. *Методы исследования Sage*. doi: [10.4135/9781526421036](https://doi.org/10.4135/9781526421036).
- Кон, Айелет. 2017. Instagram как натурализованный инструмент пропаганды: Израиль Веб-сайт Сил обороны и феномен общих ценностей. *Конвергенция: Международный журнал исследований новых медиа-технологий* 23 (2): 197-213.
- Коломабек, Тереза. 2011. Взгляд Смотрящего: Насилие как асоциальный процесс. *Международный журнал конфликтов и насилия* 5 (2): 345-356.
- Laugier, Pascal. *Мученики*. 2008. Париж, Франция: Эскавд, Wild Bunch и TCB Мязняя, Фильмы, DVD.
- Дженни. 2021. Этика распространения: фильтрация изображений смерти в three news Mailänder, фотостудии. *Журналистика*. doi: [10.1177/1464884921996308](https://doi.org/10.1177/1464884921996308).
- Элисса. 2017. Осмысление фотографии изнасилования: сексуальное насилие как Социальные выступления на Восточном фронте, 1939-1944. *Журнал истории Сексуальности* 26 (3): 489-520.
- Оффе, Клаус. 1988. *Partidos políticos y nuevos movimientos sociales*. (Политические партии и новые социальные движения). Мадрид, Испания: Система.
- Отис, Паупетта. 2006. Комментарии. Развивающаяся информация: право инициативы на в нужное время нужных людей. В *Развивающаяся Информация. Допрос: Основы науки и искусства будущего*. изд. Научный совет разведки, Вашингтон: Национальная Оборона Разведка Колледж.
- Пановски, Эрвин. 1972. *Исследования в области иконологии*. Нью-Йорк: Издательство "Авалон".
- Петропулу, Кристи. 2014. Кризис, движение "Право на город" и вопрос о спонтанности: Афины и Мехико. *Анализ городских тенденций, культура, Теория, политика, действия* 18 (4-5): 563-572. doi: [10.1080/13604813.2014.939478](https://doi.org/10.1080/13604813.2014.939478).

- Петропулу, Кристи, Афина Витопулу и Харалампос Цавдароглу. 2016.
Городские и региональные общественные движения. <https://aoratespoleis.files.wordpress.com/2016/03/urism2.pdf> (Дата обращения 13 июня 2022 г.).
- Пинк, Сара. 2008. Мобилизация визуальной этнографии: прокладывание маршрутов, создание места и создание образов. *Качественный социальный форум / Forum: Qualitative Социальные исследования* Пункт 9(3), статья 36. doi: 10.17169/fqs-9.3.1166.
- Поллнер, Мелвин. 1974. Мирские рассуждения. *Философия социальных наук* 4 35-54.
- (1): Сакс, Харви. 1989. Лекция четырнадцатая: Машина для вывода. *Человек Исследования* 12 (3-4): 379-393.
- Santos, Boaventura de Sousa. 2015. К социально-правовой теории возмущения.
В Этическом, глобальном и теоретическом контекстах права. Эссе в честь Уильяма Твининга, ред. Упендра Бакси, Кристофер Маккрадден и Абдул Паливала, 115- 142. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
- Sartori, Giovanni. 1997. *Homo Videns: televisione e post-pensiero*. Rome-Bari: Schnettler, Laterza.
- Bernt, and Jürgen Raab. 2008. Интерпретирующий визуальный анализ.
События, современное состояние и нерешенные проблемы. *Качественный форум Socialforschung / Форум: Качественные социальные исследования*, 9 (3). doi: 10.17169/Часто задаваемые вопросы- 9.3.1149.
- Секо, Юкари. 2013. Живописные раны: мультимодальный анализ членовредительства Фотографии на Flickr. *Форум Качественной Европейской Социологической Ассоциации / Форум: Качественный Социальных Исследований*, 14(2), ст. 22. Дои: 10.17169/fqs-14.2.1935.
- Sémelin, Jacques. 2002. Крайнее Насилие; Можем ли Мы Это понять? *Иностраным студентам Журнал социальных наук* 54 (174): 429-431.
- Зонтаг, Сюзан. 2004. *Относительно боли других*. Лондон: Penguin Books.
- Зонтаг, Сюзан. 2005. *О фотографии*. Нью-Йорк: RosettaBooks LLC.
- Strauss, Anselm. 2017. *Зеркала и маски: Поиск идентичности*. НЬЮ-ЙОРК: Ратледж.
- Тиннес, Джудит. 2021. Библиография: Захваты заложников и внесудебные казни (Часть 1). *Взгляды на терроризм*. 15 (6) 104-159. <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2021/issue-6/tinnes.pdf> (Дата обращения: 13 июня 2022 г.).
- фон Бер, Инес, Анаис Рединг, Чарли Эдвардс и Люк Гриббон. 2013. *Радикализация в цифровую эпоху. Использование Интернета в 15 случаях терроризма и экстремизма* Отчет RAND Europe. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR453.html (Дата обращения 13 июня 2022 г.).
- Винклер, Кэрол, Карим Эль Даманхури, Аарон Дикер и Энтони Ф. Лемье. 2019. Образы смерти и умирания в ИГИЛ СМИ: сопоставление английских и Арабский печатных изданий. *СМИ, Войны и конфликты* 12 (3): 248-262.

Все статьи, опубликованные в Специальном выпуске HSR 47 (2022) 1: Признаки насилия:
микроскопические исследования событий, связанных с насилием, и за их пределами

Введение

Томас Хобель, Джо Райхерц и Рене Тума

Наглядность насилия. Об исследованиях визуального насилия и текущих
методологических проблемах. doi: [10.12759/hsr.47.2022.01](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.01)

I. Столкновение с насилием: микроскопические исследования с аудиовизуальными
данными и без них Anne Nassauer

Анализ видеоданных как инструмент изучения процессов эскалации: случай
применения силы полицией. doi: [10.12759/hsr.47.2022.02](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.02)

Christian Meyer & Ulrich v. Wedelstaedt

Открытие черного ящика: этнометодологический подход к анализу насилия на основе видео.
doi: [10.12759/hsr.47.2022.03](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.03)

Лора Д. Кизман и Дон Уинник

Чувствую, это приближается: ситуационные поворотные моменты
в столкновениях полиции и гражданского населения. doi: [10.12759/hsr.47.2022.04](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.04) Susanne Nef & Friederike Lorenz-Sinai

Многостороннее порождение насилия: К теоретизации микроскопических анализов и
эмпирически обоснованных теорий насилия.
doi: [10.12759/hsr.47.2022.05](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.05)

Frithjof Nungesser

Изучение невидимого. Опыт экстремального насилия как методологический вызов.
doi: [10.12759/hsr.47.2022.06](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.06)

II. Меняющиеся ограничения: Временная привязка и развертывание
насилованных событий Вольф-Майкл Рот

Возникновение и развитие событий, связанных с насилием:
транзакционный подход. doi: [10.12759/hsr.47.2022.07](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.07)

Джо Райхерц

Эскалация насилия в неясных ситуациях - методологическое предложение для
анализа видео. doi: [10.12759/hsr.47.2022.08](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.08)

Ekkehard Coenen & René Tuma

Контекстуальный - представление эвристики третьих сторон в последовательностях
насилия. doi: [10.12759/hsr.47.2022.09](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.09)

Томас Хобель

Проявления насилия. О нарративных объяснениях и их
аудиовизуальных данных. doi: [10.12759/hsr.47.2022.10](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.10)

Все статьи, опубликованные в Специальном выпуске HSR 47 (2022) 1: Признаки насилия:
микроскопические исследования событий, связанных с насилием, и за их пределами

III. Сложные исследования: методологические,
теоретические и этические проблемы анализа насилия Томас Алкемейер

Воплощенная субъективность видеосъемки.

doi: [10.12759/vsm.47.2022.11](https://doi.org/10.12759/vsm.47.2022.11)

Gesa Lindemann, Jonas Barth & Johanna Fröhlich

Методологическая значимость перспективы теории общества для эмпирического анализа

насилия. doi: [10.12759/hsr.47.2022.12](https://doi.org/10.12759/hsr.47.2022.12)

César Antonio Cisneros Puebla

Микросоциология убийств в мексиканских
видеозаписях казней. doi: [10.12759/vsm.47.2022.13](https://doi.org/10.12759/vsm.47.2022.13)